

Курска. Во всякомъ случаѣ и сказанное компетенчнымъ лицомъ, съ достаточною ясностью еще и еще разъ убѣждаетъ насъ въ необходимости открытія въ нашемъ городѣ ремесленного учебнаго заведенія, въ которомъ давнымъ давно такъ созрѣла насущная потребность.

В. О—евъ.

Шестерка лошадей.

(Историческій эпизодъ).

Въ одинъ изъ прекрасныхъ майскихъ дней 1776 года по городу Рыльску катался въ своемъ собственномъ экипажѣ, запряженномъ шестеркой лихихъ коней полковникъ Троицкаго пѣхотнаго полка Шалыгинъ. Онъ ѣздилъ „по гостямъ и дворамъ“, а между тѣмъ изъ рыльской воеводской канцеляріи былъ посланъ подканцеляристъ, который, собравъ свидѣтелей, въ то время, когда Шалыгинъ садился въ экипажъ, громко заявилъ, что полковникъ преступаетъ законъ и ѣздитъ во-первыхъ не въ томъ экипажѣ, въ которомъ ему слѣдовало ѣздить по чину, а во-вторыхъ въ экипажѣ запрягаетъ двѣ лишнія лошади, что указомъ Екатерины II было воспрещено. Шалыгинъ не обратилъ вниманія на слова „чернильной души“, важно уѣхалъ въ карету и помчался по улицѣ. Тѣмъ не менѣе въ воеводской канцеляріи перья заработали и плодомъ этой работы была промеморія о взысканіи съ полковника штрафныхъ денегъ. Промеморія эта была отправлена въ управленіе полка. Прошло нѣсколько времени, а штрафныхъ денегъ отъ Шалыгина не присылалось, и онъ продолжалъ себѣ разѣзжаться по рыльскимъ улицамъ шестеркою. Рыльский воевода отправилъ въ полеѣ дубликатную промеморію. Та же пѣсня. И вотъ однажды, когда въ канцеляріи въ присутствіи засѣдалъ воевода и съ нимъ приказные, онъ увидѣлъ, какъ пылъ поднялась по улицѣ столбомъ и промчалась карета Шалыгина. Строптивый полковникъ поѣхалъ къ кому-то. Черезъ полчаса онъ возвращался. Поравнявшись съ воеводской канцеляріей Шалыгинъ грануль:

— Сто—ой!

Шестерка остановилась словно вкопанная. Съ коня спѣшился вѣстовой, несшійся впереди кареты во весь опоръ. Шалыгинъ увидѣлъ „сквозь окончину стоявшаго внутри покоевъ воеводу“ и подбѣжавши къ окну, въ которомъ была открыта форточка, разорвалъ присланную изъ воеводской канцеляріи промеморію и растопталъ ее ногами, приговаривая воеводѣ:

— Вотъ тебѣ твоя промеморія! Вотъ тебѣ промеморія! И, разумеется, не обошлось дѣло безъ скверныхъ и непотребныхъ словъ со стороны Шалыгина.

Наругавшись вдостоль Шалыгинъ отправился къ экипажу. А воевода, выскочивши во дворъ, приказалъ солянному смотрителю замѣтить, кто изъ находившихся во время разорванія промеморіи Шалыгинымъ на улицѣ могъ быть свидѣтелемъ. Соляной смотритель замѣтилъ офицера адъютанта Семенова. Собрали клочки разорванной полковникомъ промеморіи. Она оказалась разорванной на 32 части. Высочайшее имя написанное въ промеморіи было нѣсколько разъ перервано дерзкою рукою.

О поступкѣ Шалыгина рыльская воеводская канцелярія донесла „высокоповелительному“ генералъ-фельдмаршалу Румянцеву-Задунайскому и губернатору Бѣлгородской губерніи Свистунову. О взысканіи же денежнаго штрафа съ Шалыгина сообщено было въ бѣлгородскую канцелярію конфискаціи. Эта канцелярія отправила промеморію въ военную коллегію о взысканіи съ Шалыгина штрафа за неуказную ѣзду. Военная коллегія предоставила дѣло на усмотрѣніе графа Румянцева. Но у Задунайскаго дѣло о Шалыгинѣ легло подъ сукно надолго, вѣроятно потому, что графъ не признавалъ возбужденнаго противъ полковника дѣла важнымъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ многое измѣнилось. Въмѣсто Бѣлгородской губерніи образо-

вано было курское намѣстничество, вмѣсто канцеляріи конфискаціи—курская казенная палата. Шалыгинъ получилъ чинъ бригадира, вышелъ въ отставку и былъ избранъ председателемъ верхняго земскаго суда.

Въ 1783 году въ Рыльскъ купецъ Выходцевъ позволилъ себѣ ѣздить на большемъ числѣ лошадей, чѣмъ какое онъ имѣлъ право запрягать въ свой экипажъ по своему купеческому званію. Тогда курское намѣстническое правленіе сдѣлало въ казенную палату отношеніе, въ которомъ просило взыскать штрафныя деньги съ купца Выходцева, да кстати—припомнило правленіе полковника—и съ Шалыгина, провинившагося 7 лѣтъ тому назадъ.

Казенная палата на счетъ Выходцева опредѣлила: взыскать чрезъ посредство рыльского магистрата съ него штрафъ, а о Шалыгинѣ не дѣлать никакого постановленія; ибо графъ Задунайскій на представленіе военной коллегіи не согласился. А какъ противорѣчить высокоповелительному графу?

А. Танковъ.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Томскъ, 22-го іюля. Совершилось открытіе Императорскаго томскаго университета. Къ двумъ часамъ дня стали съѣзжаться къ университету гости, приглашенные попечителемъ В. М. Флоринскимъ. Всѣхъ приглашеній было разослано 270. Зданіе университета украшено было гирляндами изъ хвойной зелени, живыми цвѣтами и многочисленными флагами. Ровно въ два часа началось въ университетской церкви благодарственное молебствіе, по окончаніи котораго преосвященнымъ Исаакиемъ была произнесена рѣчь. Затѣмъ присутствовавшіе перешли въ актовъ залъ, расположенный по лѣвую сторону, церкви. Актовъ залъ—двусвѣтный, съ хорами; онъ, сравнительно съ другими университетскими актовыми залами, не великъ, но изященъ. За столомъ размѣстились: попечитель Флоринскій, окружной инспекторъ Гаазе, профессоръ анатоміи Маліевъ (пока единственный, прибывшій изъ числа назначенныхъ въ томскій университетъ профессоровъ), инспекторъ студентовъ Еленевъ и правитель канцеляріи попечителя Томашинскій. Попечитель Флоринскій, взоидя на кафедру и прочтя Высочайшее повелѣніе, состоявшееся 25 мая 1888 г., объ открытіи томскаго университета въ составѣ медицинскаго факультета, объявилъ Императорскій томскій университетъ открытымъ. Громогласное и продолжительное «ура» покрыло слова попечителя, а оркестръ и хоръ исполнили народный гимнъ. Затѣмъ попечитель В. М. Флоринскій произнесъ рѣчь: «Съ благодарнымъ чувствомъ и съ безграничною благодарностью выслушали мы все милостивѣйшее повелѣніе нашего Государя Императора, осчастливившаго вѣрноподданную Сибирь великимъ духовнымъ благомъ—первымъ мѣстнымъ разсадникомъ высшаго просвѣщенія. Основаніе новаго университета всегда и всюду признавалось крупнымъ, выдающимся событіемъ; въ исторіи просвѣщенныхъ монарховъ это служило блестящимъ вѣнцомъ ихъ царствованія. Еще большее значеніе имѣетъ совершившійся фактъ въ нашемъ отечественномъ просвѣщеніи, которое далеко еще не достигло той ширины и высоты, какія соответствовали бы ему по размѣрамъ могучаго государственнаго организма. Поэтому день рожденія нашего университета мы имѣемъ право считать счастливейшимъ днемъ изъ всего трехсотлѣтняго существованія Сибири и великимъ праздникомъ для всего русскаго просвѣщенія». Далѣе ораторъ привелъ хронологическій перечень русскіхъ университетовъ, среди которыхъ «новый ихъ восточный собратъ по возрасту занимаетъ десятое мѣсто». «Пожелаемъ же томскому университету,—продолжалъ г. Флоринскій,—славы и благоденствія на многія столѣтія. Да сіяетъ онъ на восточной окраинѣ нашего дорогаго отечества, какъ восходящее солнце, оживляя и согрѣвая своими теплыми лучами нравственную атмосферу холодной Си-

бири! Пусть откроетъ онъ въ нѣдрахъ народной жизни источники новыхъ дѣятельныхъ силъ и докажетъ потомству, что при помощи свѣта правды и разума можно превратить страну ссылки, скорби запустѣнія въ благоустроенную, равноправную и равносильную съ остальными русскими областями, неразлѣльную часть великаго русскаго государства». Далѣе, коснувшись въ своей рѣчи отношеній между учащими и учащимися, г. Флоринскій высказалъ убѣжденіе, «что первые будутъ считать священнымъ своимъ долгомъ передать слушателямъ возможно полный запасъ прочно усвоенныхъ знаній, имѣя въ виду ни одни факультетскія испытанія, но, главнымъ образомъ, примѣненіе этихъ познаній къ предстоящей практической дѣятельности своихъ учениковъ. Студенты съ своей стороны, должны помнить, что основныя естественныхъ и медицинскихъ наукъ могутъ быть усвоены только въ университетѣ, именно путемъ практическихъ упражненій при помощи разнообразныхъ учебныхъ пособій, которыхъ нельзя замѣнить теоретическимъ книжнымъ изученіемъ или пріобрѣсти гдѣ-либо внѣ университета. Поэтому уважая науку и сознательно относясь къ своему будущему призванію, они должны дорожить университетскимъ временемъ, памятуя, что въ этомъ отношеніи безплодно-проведенные не только годы, но и мѣсяцы, составляютъ невознаградимую потерю». Рѣчь свою В. М. Флоринскій заключилъ слѣдующими словами: «счастливая Сибирь, въ такой радостный и торжественный для нея день, не можетъ не выразить самаго теплаго благодарнаго чувства и тѣмъ лицамъ коимъ по волѣ Государя Императора ввѣрено было осуществленіе Высочайшихъ предначертаній относительно томскаго университета, именно: бывшему Предсѣдателю Государственного Совѣта, Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Николаевичу, принимавшему самое живое и энергическое участіе въ начальной постановкѣ вопроса о сибирскомъ университетѣ съ 1877 по 1881 г., Предсѣдателю Государственного Совѣта Его Императорскому Высочеству Великому Князю Михаилу Николаевичу, относившемуся съ такимъ же теплымъ сочувствіемъ; бывшему министру народнаго просвѣщенія, нынѣшнему министру внутреннихъ дѣлъ его сіятельству графу Дмитрію Андреевичу Толстому, подымавшему съ 1876 г. вопросъ объ осуществленіи сибирскаго университета въ бытность его сіятельства, министромъ народнаго просвѣщенія, и министру народнаго просвѣщенія д. т. с. Ивану Давидовичу Делянову, завершившемъ заботы объ осуществленіи университета съ 1882 г. по 1888 г.

Будемъ же помнить и ежегодно праздновать вѣнчанный для Сибири день. Пусть на вѣчныя времена сохранится памяти потомства что нашъ университетъ обязанъ своимъ предначертаніемъ тремъ любимѣйшимъ Русскимъ Монархамъ: Александру I, Александру II и Александру III. Безпредѣльная любовь къ отечеству и великія историческія дѣла этихъ Императоровъ, да осѣнятъ нашъ Александровскій университетъ и да послужатъ намъ путеводною звѣздой къ достиженію народнаго блага и къ прославленію русскаго имени! Продолжительныя рукоплесканія покрыли рѣчь попечителя. Послѣ рѣчи г. Флоринскаго профессоръ анатоміи П. М. Маліевъ, сказалъ краткую рѣчь о значеніи университетской науки и о дружномъ соединеніи общества съ университетскими дѣятелями. Правитель канцеляріи Г. С. Томашинскій прочелъ обширную «историческую записку о возникновеніи Сибирскаго университета». Къ 22 іюля поступило прошеній о принятіи въ студенты томскаго университета отъ 28 лицъ имѣющихъ аттестаты зрѣлости, изъ нихъ: 2 изъ Красноярска, 3—Тобольскаго, 3—Вѣрнаго, 3—Иркутска, 7—Омска, 1—Нѣжина, 1—Екатеринбурга, и 8 изъ Томска. Число еврейскихъ вакансій пополнено сполна 5% общего числа поступившихъ. На кафедры томскаго университета назначены: на кафедру анатоміи Н. М. Маліевъ, минералогіи—Зайцевъ, гистологіи—Догель (младшій), ботаники—Корженев-